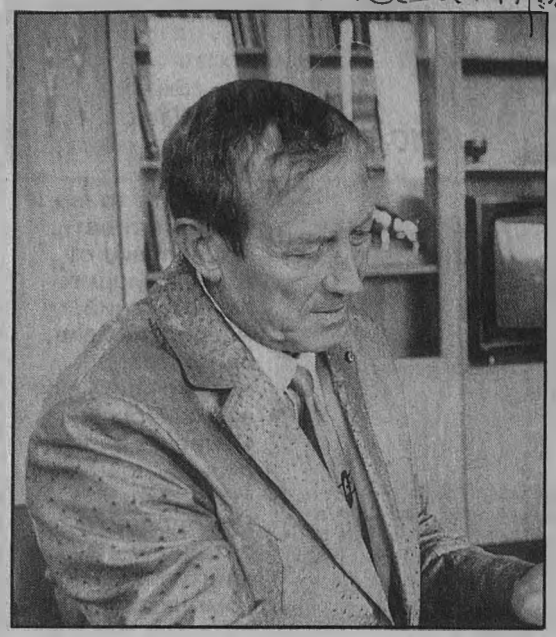
О ПРИДВОРНОМ ДИССИДЕНТЕ С СЫТОЙ МУЗОЙ

Моск. правда – 1997 – 2 апр. – с. 15



1.

После так называемой хрущевской оттепели, СССР был одурманен поэзией. Власть решила продемонстрировать свой либерализм. И поэты клюнули на эту наживку. Советская литература привыкла обслуживать советскую власть. А дело это выгодное и заказчику, и исполнителю.

Наиболее усердные, нахальные и бессовестные (иногда и талантливые) за свою службу имели солидные дивиденды. Теперешняя молодежь вряд ли догадывается, что кумиры сегодняшнего шоу-бизнеса уступают по заработкам, по популярности "великим" поэтам Москвы – **Евгению Евтушенко**, **Андрею Вознесенскому**, **Роберту Рождественскому** и еще десятку звездных имен шестидесятых-семидесятых. То, что они якобы иногда властью притеснялись, испытывали гонения, цензурные унижения – миф. Причем, создаваемый ими же сознательно. И не только ими Полу-опала – это же повышенный интерес поклонников. И власти выгодно иметь своих сторонников, находящихся порой как бы в оппозиции ей. Такой контракт выше оплачивался.

2.

Возьмем, например, Андрея Вознесенского. Это поэт, который был раскручен официальной пропагандой необыкновенно. Стотысячные тиражи сборников, поэтические вечера, радио и телеэфир, выход пластинок, критика в газетах и журналах, (иногда поругивали, но ведь это же лучшая реклама, теперь понимаем), зарубежные командировки. И Вознесенский отвечал власти своим расположением, угодными ей стихами. Да, у него была репутация "сложного" поэта. Поэму "Оза" **Сергей Наровчатов** назвал ребусом. А критики **С.Рассадин** и **А.Марченко** на страницах журнала "Вопросы литературы" устроили дискуссию о поэме. О ней писали во всех официальных советских изданиях. Кто-то ругал, кто-то хвалил. Поэт стал знаменитым. Но не сам по себе, а с подачи властей. Ведь ни одна заметная публикация раньше не могла появиться в прессе без одобрения верхов. То есть отдела пропаганды ЦК КПСС.

И А.Вознесенский старательно работал на власть. Даже написал позднее поэму (не какой-то там стишок, что мелочиться) о **Ленине** "Лонжюмо". Он все время работал с оглядкой на Евгения Евтушенко и решил потягаться с ним воспеванием вождя – у Евтушенко тоже есть поэма о Ленине "Казанский университет". Вознесенский свой дифирамб Ильичу сочинил в расчете на отклик власти. И почти добился своего – поэма была включена в список произведений, выдвинутых на соискание Ленинской премии. Лауреат высшей премии страны автоматически включался в элиту, становился как бы членом Политбюро партии коммунистов по вопросам литературы. Или же его знаменитые стихи "Латышская сага". Вроде бы поэт пишет на запретную тему. Смелый какой! Даже позволяет себе такую строчку: "Он бьет ее, с утра напившись". Не у каждого поэта в 1963 году такую строчку пропускала цензура. Но Вознесенскому для публикаций – зеленый свет. К тому же эта на первый взгляд смелая "сага" работала на власть, на КПСС. Прочтем:

Уходят парни от невест.
***Невесть зачем** из отчих мест.*
***3 дурака** бегут на Запад.*
Их кто-то выдает. Их цапают.
41-ый год. Привет!
"Суд идет!" – 10 лет...

"Невесть зачем", "три дурака" – это же переложенная на поэтический язык позиция не просто ЦК КПСС, а еще хуже – сталинистская. Не так ли? Для пущей убедительности, без комментариев процитирую еще 4 строки из "саги" – *предела нету для любимой –*

ополоумевши любя,
я, Рута, выдала тебя,
из тюрьм приходят иногда –
из заграницы – никогда...

3.

Ну а свои заграничные командировки поэт отрабатывал что надо. Ему можно было всласть рассказать живущим за железным занавесом читателям о впечатлениях советского поэта, попавшего за кордон. И он, понятно, ни в какую политику не лезет, не пишет о преимуществах свободного образа жизни, о социальной защищенности граждан, об их правах, заработке. И кто тогда из почитателей мог в него бросить камень за то, что увидев Запад, он пишет не то и не так. Он бы возразил, что он свободный художник, как хочет, так и пишет. Но он-то понимал, что пишет **как надо**, ибо необходимо понравиться хозяевам, то бишь заказчикам, а потом если напишет не так – не видать стихам печати. И творит Вознесенский стихи "Нью-Йорские значки". Поэт "обожает Гринич Вилидж в саркастических значках", где, как бы случайны такие названия: "Люди – предки обезьян", "Губернатор – лесбиян", "Непечатанное – в печать", "Запретите – запрещать!". Простенько, вроде бы незатейливо, вроде бы смело, но умело с точки зрения отдела пропаганды ЦК КПСС. Согласитесь. А дальше такой пассаж:

Над смертельным карнавалом,
Ален, выскочи в исподнем!...
Хулиганы? Хулиганы.
Лучше сунуть пальцы в рот,
чем закиснуть куликами
буржуазовых болот!

Такие вот поэтически-идеологические блесточки не могли не нравиться власти. Поэтому в каких только зарубежных вояжах не бывал полу-опальный коммунистический поэт Андрей Вознесенский.

Наш прораб перестройки, теоретик КПСС (ведь кончал АОН при ЦК КПСС и работал в теоретическом журнале партии "Коммунист **Юрий Афанасьев** признался после продолжительной поездки во Францию, что там многое понял. Во общем, созрел для антипартийной работы. А вот Андрюша Вознесенский после зарубежа если и прозревал, то тихо. Он хотел хорошо жить-пить, гулять с красивыми женщинами. И в этом нет ничего зазорного. Если бы не профессия. А она требовала не только чистого искусства. Ибо, как верно признался его коллега и товарищ, "поэт в России больше чем поэт". Если под этим Евтушенко и не подразумевал, что поэт должен быть нештатным работником КГБ или агитпропа, то непременно имел в виду, что поэт – это гражданин, трибун, мыслитель, философ, публицист и возмутитель общественного спокойствия. И побывав на Западе, совестливый поэт не мог писать о том, о чем писал Вознесенский. Но проституирование, причем не простое, а с идеологической подоплекой, свойственно нашей творческой интеллигенции. Беда ее.

После поездки в Италию Вознесенский пишет стихотворение "Гангстеры".

Налетчики на мотоцикле срезали и увезли сумочку героя – ну, может, автора. Не важно. И пусть эти вирши исполнены иронии, юмора – для советского обывателя эти стихи – лишний факт того, что капитализм загнивает, что преступность там невероятная. Думаю, что и в ЦК КПСС прочитав заголовок и начало воскликнули: "Молодец Андрюша – позволяем тебе выражение "треугольная груша". Ну это, так сказать, творческий аспект продажности. Кто-нибудь возразит – а все-таки талантливо продавался. Жить-то клево хотел, хорошо жить не запретишь. Зато во всем остальном – он был истинным интеллигентом, порядочным, честным и хорошим человеком. Но так, к сожалению, не бывает. Есть такая модная фраза – немного беременным. Это – нонсенс.

Или – или.

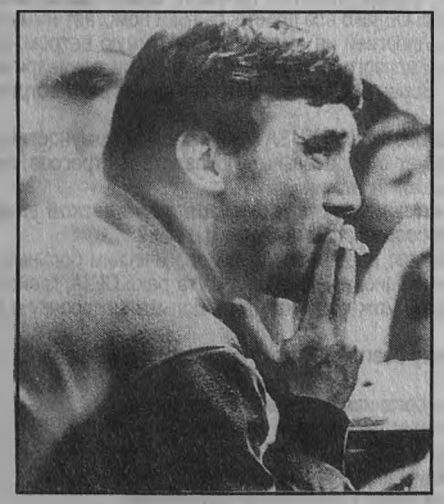
В отличие от своего собрата Е.Евтушенко, Андрюша, избегал принимать участие в судьбе начинающих поэтов. Это была его позиция. Например, был такой молодой гениальный поэт **Леонид Губанов**. Вознесенский о его существовании знал. Мог, если бы захотел, устроить ему заметную публикацию – ну не в пору "Антимиров", попозже, когда стал более влиятельным. Не устроил. Евтушенко, не смотря на препоны, напечатал в "Юности" 12 строк Лени, после чего молодой стихотворец стал знаменитым, ибо на его 12 строк набросились: "Комсомолка", "Литературка", "Литроссия", "Огонек". Как это, возмущались критики, шестнадцатилетний школьник может писать: "Уходим в ночь от жен и денег на полнолуние полотен". А образ-то Леня создал гениальный:

"Да, мазать мир, да, кровью вен,
забыв болезни, сны, обеты.
И умирать из века в век
на голубых руках мольберта".

Как знать, если бы мэтры от поэзии пригрели бунтарскую душу Губанова, может, и жил бы он еще с нами.

4.

Тут невольно хочется вспомнить еще об одном ушедшем – Великом **Владимире Семеновиче Высоцком**. Он – эпоха. И, по-моему, еще недостаточно оценен его вклад в нашу поэзию. Не сомневаюсь, что как поэт – он талантливее, самобытнее Вознесенского. Многие его песни – поэтические шедевры. В низ блеск образов, сюжетов, изящество рифм и ритмов... И потом он автор многих прекрасных стихов. Так и не напечатанных при жизни. **Марина Влади** как-то высказалась о чувстве горестного недоумения, "вызванного доходящими до кликушества выступлениями, интервью и статьями многочисленных "друзей", и зачастую тех самых людей, которые при жизни отказывали Высоцкому даже не в признании, а в элементарном уважении".



"Мэтр Андрюша" был знаком с Высоцким. Кто-кто, а он бы мог напечатать стихи знаменитейшего артиста. Многие главные редакторы газет и журналов были если не его друзьями, то равными по номенклатуре чиновниками. Слава и популярность в советское время приравнивалась к должностям или к положению в обществе. Отрицать это смешно. И вот Андрей Андреевич вроде бы сделал попытку напечатать даже не стихи, в уже исполняемые песни Высоцкого. Но каким иезуитским способом хитрейший Вознесенский осуществляет свой замысел! Ждет к главному редактору и... договаривается о публикации своей очередной подборки в популярнейшем издании. А выйдя из его кабинета, направляется в отдел литературы и оставляет там, то есть в обычном порядке, несколько исполняющихся песен Высоцкого со своим предисловием. Но как унизительно, высокомерно представил мэтр Андрюша великого Высоцкого:

"У **Асеева** в поэме "Маяковский начинается" есть лунные строки о том, как примолкший поэт слушает песню "Мы на лодочке катались... "Дослушав, Маяковский резюмирует: *"Я б считал себя*

законченным поэтом,
если б мог
такое
написать..."

В этом есть непознанное чудо песни – она растет сама, как лес, трава, кустарник. Законы ее распространения и человеческого отклика пока необъяснимы. "Пошла песня" – и все тут. Песни В.Высоцкого, известного 33-летнего драматического и киноартиста звучат с экрана, с пластинок, их любят шахтеры, студенты, олимпийские чемпионы, бывшие фронтовики, таксисты. И я люблю этот хрипловатый, искренний, берущий за сердце голос. Содержание песенок **Элвиса Пресли** или **Джонни Холидея** – бездумно, облегченно: за словами (может, все таки стихами!) В.Высоцкого стоит современный город, с его судьбой, болью, работой. Я рад, что в вашем издании будут впервые напечатаны лирические тексты (опять не стихи!) Владимира Высоцкого".

Конечно, "тексты" не напечатали. (**Новелла Матвеева** ставила условие, вначале напечатайте стихи **Ивана Киуру**, только после – мои. Главный редактор условия вынужден был выполнять). Стихи же Андрюши печатались, Высоцкого – нет. Один раз я стал свидетелем животного страха Андрея Андреевича. Даже не предполагал, что поэт может так испугаться. Причем из-за чего – лишь из-за причастности, по его словам "к антисоветским стихам".

Молодой поэт из Свердловска **Сергей Грачевский** приехал в Москву с целью показать папку своих стихов своему кумиру – Вознесенскому. Рассчитывал на его поддержку. Популярнейшее издание готово было что-то отобрать у Сергея для печати. Требовалось предисловие маститого поэта – Вознесенский как раз подходил. Грачевский увиделся с Андрюшой, прочитал ему пару своих сочинений – мэтр одобрил, взял его папочку с творчеством и пообещал написать напутствие. Потом Грачевский приходил в редакцию и не мог понять – почему его не печатают, ведь стихи похвалил сам Вознесенский. При встрече похвалил, а когда прочитал, что в папочке, ужаснулся. Мэтр позвонил в редакцию и резюмировал: "Ничего писать о нем я не буду. Он же сумасшедший. Стихи его антисоветские. Не хочу за него идти в тюрьму". Свердловчанин Грачевский не писал антисоветских стихов. В его "Сказке про четырех царей" комплимент первому царю – Ленину, который "мудрой доблести в залог носил бороду". Кончается она так:

Эй, время, породи и вбей
в бездарные пласты
усов, и лысин и бровей –
клин Мудрой бороды!

Правда, эти не антисоветские, но антибрежневские стихи написаны при живом **Брежневе**. Вознесенский, который ему служил, одобрить такую оценку власти не смел. А в своих других стихах Грачевский мудро предвосхитил приход к власти **Горбачева** и своего земляка – **Ельцина**.

Эти мои заметки кому-то покажутся злыми. Отнюдь. Я не бросаю камень в того, застойных времен Вознесенского. Он жил, как мог, как хотел. Добился Государственной премии СССР (правда, вместо Ленинской), добился всех благ члена Политбюро КПСС от советской литературы, как говорится, бог ему судья. К тому же скажу, что Андрюша – личность не бездарная, в творчестве и не только.

Ну вот что меня не устраивает – Вознесенский и сегодня ходит в литературных генералах, и сегодня он член Политбюро партии власти, которая коммунистов, мягко говоря, не жалует. Что же, повторюсь – бог ему судья.

Иван ГУДОВ, ИД.